

Синдром человека бдительного (Homo Securitatis)

В данной статье предпринята попытка подойти к безопасности как этико-антропологической категории. В качестве рабочей гипотезы рассматривается синдром человека бдительного как некий конструкт, описываемый на основании анализа современных дискурсов безопасности. Их особенности указывают на складывание определенной оборонительной идеологии – секьюритаризма («безопасности всех против всех»).

Ключевые слова: антропология безопасности, синдром человека бдительного, безопасность как этико-антропологическая категория, идеология секьюритаризма.

«Просим обращать внимание на подозрительных лиц. Если вы заметите в метро подозрительных лиц, сообщайте об этом сотрудникам полиции или машинисту поезда по переговорному устройству», «безопасности не бывает слишком много» – эти звуковые объявления, которые можно ежедневно услышать в московском метрополитене, представляют собой примеры современных дискурсов безопасности.

Явления, наблюдаемые за последние десятилетия в мире в целом и в России в частности, свидетельствуют о начале новой исторической эпохи, которую стали называть *эпохой безопасности* (the Age of Security)¹. В связи с этим следует также отметить формирование целого комплекса дисциплин, связанных с исследованиями безопасности (*Security Studies*). В настоящее время основное внимание уделяется политологическим, юридическим, социологическим аспектам. Есть попытки и философского анализа категории безопасности. Не в последнюю очередь следует упомянуть о такой

новой дисциплине, как антропология безопасности². Большинство современных исследований в этой области также носят преимущественно прикладной характер. Однако вопрос о самом человеке в эпоху безопасности еще нуждается в философском и социокультурном осмыслении.

В данной статье предпринята попытка подойти к безопасности как к этико-антропологической категории. В качестве рабочей гипотезы рассматривается синдром человека бдительного как некий конструкт, описываемый на основании анализа современных дискурсов безопасности.

Тут требуется целый ряд уточнений. Во-первых, термин «дискурс безопасности» нуждается в конкретизации, особенно если учесть, что сам по себе дискурс до сих пор остается одним из самых трудноопределимых понятий. Целесообразно ли разграничивать в данном случае дискурсы политической, экономической, военной, информационно-психологической, экологической и прочих видов безопасности? Или же имеет смысл рассматривать все эти дискурсы в их совокупности как некий единый дискурс безопасности, включающий в себя неограниченное число пластов? Во-вторых, какие источники могут рассматриваться как носители такого дискурса? Вопрос об источниках, в свою очередь, обуславливает выбор того или иного метода критического дискурсивного анализа. Нельзя не учитывать и общественно-политическую и культурно-языковую специфику дискурсов безопасности, например, в англоязычном мире и постсоветском пространстве.

Едва ли возможно дать исчерпывающие ответы на все эти вопросы в одной статье. В такой малоизученной области, как антропология безопасности, есть риск появления чересчур поспешных и научно несостоятельных обобщений. Поэтому на сегодняшний день представляется возможным только поставить саму проблему, решение которой может потребовать значительного времени и совместных усилий многих исследователей.

В 2004 г. немецкий социолог Курт-Вернер Пертнер в своей статье «*Homo Securitatis* или рождение на наших глазах монстра позднебуржуазной идеологии» употребил словосочетание *Homo Securitatis*, описывая современные тенденции в западном мире после событий 11 сентября 2001 г.³ В цитируемой статье словосочетание *Homo Securitatis* употребляется всего лишь один раз и в качестве скорее меткой фигуры речи, нежели выверенного термина. Сам автор никак его не конкретизирует. В рамках нашей темы словосочетание *Homo Securitatis* (человек бдительный) заимствовано для описания того типа сознания, который формируется под

воздействием современной парадигмы безопасности. При помощи этого термина можно предположить, что происходит с человеком и обществом, если для них безопасность превращается из инструментальной ценности в абсолютную.

Страх за собственную безопасность побуждает человека быть особенно бдительным в отношении тех угроз, которые явно или мнимо исходят от других людей. Эту проблему можно рассматривать в индивидуальном, психологическом плане, когда такой страх может довести человека до душевного расстройства вроде паранойи. Однако эта проблема может проявляться и на уровне какого-либо сообщества людей, целого социума или даже всего человечества. Есть основания предположить, что, по аналогии с психопатологическим состоянием отдельного человека, целое сообщество людей может оказаться жертвой такого расстройства, которое в этой работе условно названо антропологическим синдромом *Homo Securitatis*. Он проявляется не столько в предусмотрительности и осторожности – это как раз можно назвать проявлением здравого смысла. Скорее, отличительными чертами *Homo Securitatis* являются бдительность и подозрительность – в силу того, что в таком сознании особенно актуальным становится противопоставление «свои – чужие». Эта бдительность, как правило, тесно связана с определенной оборонительной идеологией – секьюритаризмом, который можно кратко охарактеризовать как идеологию «безопасности всех против всех».

Термин «секьюритаризм» вошел в оборот несколько лет назад в статье американских исследователей К. Лемонс, П. Путчерт и И. Винтерс «Секьюритаризм в США»⁴. Авторы рассуждают о периоде, начавшемся после 11 сентября 2001 г., о мерах безопасности, принятых на государственном уровне, и о соответствующих дискурсивных практиках.

Анализ современных дискурсов безопасности позволяет предположить, что в основании секьюритаризма лежит именно механизм «очужачивания» (*othering*). Этот термин заимствован из современной социологии. Во избежание путаницы целесообразнее перевести *othering* не как отчуждение (*alienation*), а как «полагание другого» или «очужаживание». Суть этого процесса в явном или скрытом противопоставлении «я» («мы») и «другой» («они»). Эта бинарная оппозиция рассматривает другого с его инаковостью как потенциальную опасность и тем самым обосновывает стремление от него дистанцироваться.

Данный механизм может проявляться не только на макроуровнях, в области национальной, международной, антитеррори-

стической или экологической безопасности, но и в повседневных практиках. Так, например, сложилось такое понятие, как эмоциональная безопасность. Другой со своими проблемами и запросами может рассматриваться как посягатель на эмоциональную безопасность моего Я.

Homo Securitatis не просто бдителен в отношении «чужих», явных или воображаемых врагов. Он также нацелен на разоблачение «чужих» среди «своих», «умело втершихся в доверие», тех, кого в англоязычном дискурсе безопасности принято называть инсайдерами-злоумышленниками (*malicious insider threat*⁵). При таком взгляде даже самый близкий человек может быть воспринят потенциальным врагом и предателем. В конечном счете *Homo Securitatis* приходит к трагическому выводу, что доверять кому бы то ни было нельзя – это опасно. Он прав в том смысле, что доверие действительно сопряжено с опасностью быть обманутым, и в некоторых ситуациях это может стоить жизни. Однако отказ от доверия любому другому человеку, кроме самого себя, ведет *Homo Securitatis* к его предельному отчуждению и замыканию в себе.

Более того, возникает серьезная этическая проблема, связанная с нацеленностью на поиск и разоблачение тех, кто рассматривается в качестве угрозы. Секьюритаризм по своей сути зиждется на «этике доносительства» (“If you see something, say something”⁶).

Бдительность, подозрительность, недоверие, закрытость и замкнутость – все эти качества становятся отличительными свойствами *Homo Securitatis*. Можно предположить, что эта совокупность отрицательных качеств может быть оборотной стороной той модели т. н. «личности безопасного типа», на формирование которой сейчас нацелена российская педагогика безопасности⁷.

«Личность безопасного типа» воспитывается в принципиальной ориентированности на выбор в пользу собственной безопасности. В условиях секьюритаризма это предполагает высокий риск тех ситуаций, когда в сознании такого индивида «этика доносительства» будет оправдана. Очень велики шансы того, что человек, воспитанный «безопасной личностью», в момент экзистенциальной опасности окажется принципиально неспособным к выбору в пользу другого.

По всей видимости, симптомы этого антропологического синдрома могут передаваться из поколения в поколение. В связи с этим прослеживается сходство между *Homo Securitatis* и *Homo Sovieticus*, проявления которого для российского постсоветского общества особенно осязаемы. Не исключено, что речь идет об одном и том же антропологическом феномене, который по-разному проявляется в

разных исторических условиях. Отсюда можно заключить, что, по всей видимости, *Homo Securitatis* сформировался гораздо раньше.

В истории человечества, в особенности в XX в., содержится немало примеров того, к каким трагическим последствиям способен привести этот синдром подозрительности, если им заражается значительная часть социума. Какой выход возможен в тех ситуациях, когда этот синдром не просто охватил целое сообщество, но и стал передаваться из поколения в поколение?

Выбор в пользу собственной безопасности сам по себе не есть зло. Человеку жизненно необходим навык обеспечения своей безопасности. Однако корень рассматриваемой проблемы лежит не в области безопасности от случайных опасностей (*safety*), а в области безопасности от целенаправленных угроз со стороны другого (*security*). Проблема в том, какой выбор сделает человек в момент экзистенциальной угрозы со стороны другого.

Можно предположить, что человек в значительной степени определяется через свое отношение к другому с его инаковостью. В особенности это проявляется в пограничных ситуациях – в момент встречи с опасностью, особенно в тех ситуациях, когда источником этой опасности оказывается другой. Произойдет ли в критический момент прорыв к встрече с другим, пусть и совершенно иным и, возможно, действительно опасным для моего Я? Или же это будет выбор в пользу конфронтации с другим как с угрозой моему Я, вплоть до намерения с этой угрозой расправиться из инстинкта самосохранения?

Примечания

- ¹ См., например: *Baker K.* An Age of Security? // *American Heritage*. 2005. Vol. 56. Issue 5. URL: <http://www.americanheritage.com/content/age-security> (дата обращения: 01.10.2017); *Sutzi W., Cox G.* Creating Insecurity: Art and Culture in the Age of Security. N.Y., Autonomedia, 2009; *Holbraad M., Pedersen A.* Times of Security: Ethnographies of Fear, Protest and the Future. L.: Routledge, 2013.
- ² См., например: *The Anthropology of Security: Perspectives from the Frontline of Policing, Counter-terrorism and Border Control* / M. Maguire, C. Frois, N. Zurawski (eds). Pluto Press, 2014; *Gledhill J.* Anthropology in the Age of Securitization // Annual Joel S. Kahn Lecture, La Trobe University. Melbourne, 2008. December 5.
- ³ *Pörtner K.-W.* Der Homo Securitatis oder Die neueste Monstergeneration der spätbürgerlichen Ideologie // *Contraste*. 2004. № 241. P. 39–46.
- ⁴ *Lemons K., Purtschert P., Winter Y.* Securitarismus in den USA. Zur Gouvernementalität der Sicherheit // *Widerspruch*. 2004. № 46. P. 99–108.

- ⁵ См., например: *Silowash G. et al.* Common Sense Guide to Mitigating Insider Threats. 4th ed. Software Engineering Institute // Technical Report CMU/SEI-2012-TR-012. 2012; *Bertino E.* Data Protection from Insider Threats. 2012; *Rao H.R., Upadhyaya S.* Information Assurance, Security and Privacy Services. 2009; *Chen H., Moore R., Zeng D.D., Leavitt J. (Eds.)* Intelligence and Security Informatics: Second Symposium on Intelligence and Security Informatics, ISI 2004. Tucson, AZ, USA, June 10–11, 2004. Proceedings. Vol. 2.
- ⁶ «Если вы что-то видите, сообщите об этом» – так звучит лозунг антитеррористической кампании Министерства национальной безопасности США. [Электронный ресурс] URL: <https://www.dhs.gov/see-something-say-something> (дата обращения: 05.10.2016).
- ⁷ См., например: *Гордиенко М.В.* Воспитание личности безопасного типа как проблема современной педагогической науки // Омский научный вестник. 2008. № 1 (63). С. 75–79; *Казимиров Ю., Шипачева А., Лутаенко В.* Концептуальные основы формирования личности «безопасного типа» в непрерывном образовании // Успехи современного естествознания. 2005. № 2. С. 9–12; *Поляков Н.* Личность безопасного типа как современный этап социального развития человека // Среднее профессиональное образование. 2011. № 9. С. 56–57.